

Олег Епифанов.
Конец 80-х годов.

ППС особого назначения

Фотографироваться для газеты наш собеседник наотрез отказался. Сказал, после тех событий выглядит неважно. Действительно, на вид он старше своих лет. Голос натушный, большой. Говорит как человек, терзаемый непреходящей болью воспоминаний.

... На момент аварии выпускник физмата ярославского педагогического, 39-летний майор Олег Епифанов командовал батальоном патрульно-постовой службы УВД Ярославской области. Патрульно-постовая служба образца 1988-го насчитывала 444 человека и состояла из 7 рот: по одной на районный отдел милиции и особой роты оперативного реагирования. На ее основе позже сформировали ОМОН. В оперроту брали только спортсменов уровня кандидата и мастера спорта.

— Был у нас спортсмен по фамилии Омаров. При задержании преступников один заменял целую группу, — вспоминает Олег Игоревич. — Однажды перед ДК Добрынина пять милиционеров пытались усадить в машину задержанного. Тот упирался, выворачивался. Толпа зевак вокруг зубоскалила. Позвали Омарова, и он в одиночку упикинул «злодея» в машину.

Командовать батальоном было непросто. Ребята — не интеллигенты, что называется, с улицы. Служба в ППС не считалась элитной и изобиловала ЧП. Пэпэсники то потырят мелочь из карманов подобранного на улице пьянчужки, то сломают челюсть мирному гражданину.

— Тем не менее батальон работал эффективно, — считает Олег Игоревич. — Только в год аварии мои ребята по горячим следам раскрыли 444 преступления!

1 февраля 1988 года в 0 часов 25 минут в Ярославле на перегоне Приволжье-Филино сошли с рельсов 7 вагонов грузового поезда № 2502. Под откосом оказалась цистерна с компонентом ракетного топлива — несимметричным диметилгидразином (гептилом). Горловина цистерны приоткрылась. Через образовавшуюся щель гептил лился на землю 16 часов. Вытекло 740 литров яда, почти столько содержит отработавшая ступень космической ракеты. Из них 450 литров собрали в емкости, остальное ушло в землю. 150 кубометров зараженного гептилом грунта собрали и вывезли в районы области: 100 кубометров в карьер Ростовского района, 50 кубометров к селу Троицкому под Гаврилов-Ямом.

Забывать нельзя помнить

Мы продолжаем рассказывать о крупнейшей химической аварии Ярославля. После публикации «Ликвидаторы еще живы» (№ 24 от 28 марта 2018 года) с редакцией связался участник ликвидации последствий той катастрофы Олег Игоревич Епифанов.

Фото с сайта www.like-a.ru, по мнению которого авария в Ярославле входит в число наиболее масштабных химических катастроф мира — на 6-м месте из 8.

В ту студеную ночь именно они первыми оцепили место аварии, а сам Олег Игоревич спас Волгу от отравления смертельным ядом до самого Нижнего...

Молоковоз под насыпь

История «гептильной» аварии написана в уголовном деле да в газетах по воспоминаниям очевидцев. Дело за отсутствием состава преступления закрыто еще 12 октября 1988 года и, возможно, уже утеряно. Тем ценнее любые воспоминания...

О сходе вагонов с рельсов первым в УВД сообщил подчиненный Епифанова капитан милиции, замполит 3-й роты Александр Пермяков. Завершив ночное дежурство по городу, 80 человек третьей смены батальона ожидали развозки по домам в служебных автобусах. Когда дежурный по УВД Николай Сорокин сообщил об аварии, пэпэсники рванули на место и вплотную закрыли периметр трагедии.

На месте катастрофы царил хаос. Как всегда, были паникеры, слоняющиеся бездельники и люди, пытавшиеся делать свою работу. К паникерам Епифанов относит начальника охраны цистерн с гептилом.

— Я бы его под суд отдал! — даже через 30 лет Олег Игоревич горячится. — Он путался под ногами и всем угрожал пистолетом. А я ему втолковывал, что у нас оружия больше!

Болтался и ничего не делал машинист поезда.

— У него были опечатанные документы на груз, — вспоминает Епифанов. — Ему нужно было получить разрешение на их вскрытие в дежурной части Ярославля-Главного. Я просил машиниста позвонить. Он отказывался.

Епифанову было понятно: в цистерне смертельный яд. Два солдата-башкира, сопровождавших цистерны, уже полумертвые лежали на насыпи, изо рта у каждого шла пена. Епифанов попросил отвести батальон дальше от химиката.

— Нет! Будешь стоять! — запретил замначальника охраны общественного порядка УВД Александр Лопухин.

Епифанов отвел людей на 150 метров от места аварии самовольно. И спас им жизнь. Ведь батальон стоял в оцеплении без противогазов и без костюмов химической защиты — «химдымов». Позже привезли противогазы. Практически все нерабочие. «Химдымы» пэпэсники так и не получили. Технику безопасности не соблюдали все: и медики, и железнодорожники-восстановители, пившие сцепку смертельной цистерны, работали без противогазов.

Еще Олег Епифанов проявил находчивость, за которую люди его должны благодарить. Лившаяся из цистерны струйка гептила стремилась по насыпи прямо в Волгу. Епифанов это заметил.

— Валерка, тащи лопату! — отдал распоряжение своему шоферу Хайдукову.

Вместе с начальником штаба батальона ППС Юрием Хачатуровичем Саркисовым прокопал желоб и отвел гептил в сторону от воды. Была у Епифанова другая идея — собрать вытекающий гептил в молоковоз. Это было несложно. Но идею отвергли. Гептил решили собирать

в обрезанные бочки, которые в спешном порядке укорачивали на «Лакокраске». Было потеряно время, и сотни литров яда вылились на землю.

Нем и слеп

В 7 утра их сменили курсанты. Епифанов чувствовал себя муторно. Но выпил водки, проспал три часа, спил плохое самочувствие на бессонную ночь и пошел работать. Через два дня заболело горло. Пополоскал — не проходит. Пошел к врачу. А в горле опухоль! Областная больница запросила за операцию много денег. А не оперировать нельзя. Спасла Епифанова замглаврача медсанчасти УВД Нина Николаевна Климовская. Договорилась с московским госпиталем, там сделали операцию. А сама Нина Николаевна где-то достала и отправила большого ящика дефицитного детского пюре. Кроме пюре, есть Олег Игоревич ничего не мог.

После операции Епифанов потерял голос. Упало и зрение. Он ходил в черных очках, говорил, что ничего не видит и жаловался жене Нине Михайловне на резкое февральское солнце. Через год, в 40 лет, Епифанов вышел на пенсию. Батальон ППС вскоре расформировали. Ни с того ни с сего умер более молодой начштаба Юрий Саркисов. Умер Александр Лопухин, умерли многие из соприкоснувшихся с гептилом.

Для веры в государство

В 80-х годах прошлого века Советский Союз погружался в глубочайший системный кризис. В первую очередь кризис происходил в головах. Люди были чрезмерно озабочены бытом, безразлично относились к работе, повсеместно нарушали технику безопасности. Как итог, страну захлестнул вал техногенных катастроф.

НДМГ (гептил) — особо опасное химическое соединение, в шесть раз токсичнее синильной кислоты. Вдыхание паров вызывает у человека раздражение слизистых, тошноту, рвоту, потерю сознания. Имеет сильные отдаленные последствия: раковые опухоли, слепота, поражение печени...

4 июня 1988 года на станции Арзамас-1 у секретного города Арзамас-16 взорвался грузовой состав с химикатами из Дзержинска. Погиб 91 человек, 1,5 тысячи получили ранения, полностью уничтожено 44 частных дома.

4 июня 1989 года на границе Башкирии и Челябинской области из-за утечки сжиженного газа взорвался трубопровод. В это время мимо проходили два состава с отпускниками. Погибли 575 человек. На месте обеих катастроф установлены мемориалы.

Это самые крупные железнодорожные катастрофы тех лет. По сравнению с ними ярославская весьма благополучна. Взрыва не было, а могли бы быть уничтожены Ленинский, Кировский районы, часть Дзержинского. Волгу спасли. На месте никто не погиб. Всего 26 человек официально отвезли в больницы с отравлениями.

Между тем участники аварии, с которыми нам удалось побеседовать, Олег Епифанов, врач «скорой» Нина Кузнецова, майор милиции Вадим Апахов, до сих пор болезненно переживают случившееся. Посттравматический синдром? Безусловно. Ведь потеряно здоровье и не только.

— Это была глубокая психологическая травма. Мы тогда поняли, что каждый сам за себя, — объясняет супруга Епифанова Нина Михайловна. — Наш первый сын родился в деревне. Когда меня повезли рожать, машина перевернулась, роды получились тяжелые. Но я была уверена, нам помогут, не бросят, защитят. А после гептила наступила апатия. Вера в государство была потеряна.

Так чего же спустя 30 лет хотят эти выжившие беспокойные ликвидаторы? Они хотят не денег, не особого статуса с персональными выплатами, не персонального подхода в лечении. Они хотят, чтобы люди помнили о том, как в 1988-м город был спасен. Форма памяти может быть самой простой — мемориальная доска, знак, памятник. В конце концов, ликвидаторы гептильной аварии — 1171 человек — это заслужили. Они свою работу сделали хорошо.

Елена СОЛОНДАЕВА

Фото из архива Олега ЕПИФАНОВА